

При поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 12-14-16029а/В
УДК 801.313=82=943.21

**ЛЕКСЕМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА,
ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАХМУДА БУЛГАРИ «НАХДЖ АЛЬ-ФАРАДИС»
КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

И.Р. Галиulina

Казанский федеральный университет, г. Казань

Термин «картина мира», получивший распространение в гуманитарных науках, особую значимость имеет для лингвистики и культурологии. В данной статье вслед за З.Д. Поповой, А.В. Рудаковой, И.А. Стерниным под картиной мира понимаем совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном, групповом или индивидуальном сознании.

Общеизвестно, что мышление народа фиксируется и номинируется языком, поэтому изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет косвенно судить о мышлении народа и когнитивной картине мира в этот период.

Языковая картина мира дополняет объективные знания о реальности. Изучая семантику этих слов, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира [1: 65].

Тюркоязычный памятник «Нахдж-аль-Фарадис» Махмуда Булгари, написанный в период Золотой Орды, – это изложение народного варианта ислама. Основополагающей мыслью «Нахдж-аль-Фарадис», как и базовых источников ислама, выступает проблема нравственного воспитания и духовного совершенствования гуманной личности. Данная проблема неразрывно связана с основными идеями, обуславливающими социально-

этическое учение ислама, и является фундаментом исламской этики.

В произведении писатель сравнивает добро и зло, с желанием предостеречь читателя от последствий злодеяний, ставя последнего перед нравственным выбором. А нравственный выбор зависит от многих факторов. Именно мораль выступает способом регулирования поведения людей в обществе и саморегулирования поведения индивида.

Особенности нравственно-этического учения Ислама определяется не только на основании содержания Корана, но хадисов (предания о поступках и высказываниях пророка Мухаммада, ставших одной из важнейших сторон духовной жизни мусульманского общества). При написании своего произведения Махмуд Булгари опирался как на священную книгу Коран, так и на хадисы и легенды, известные в то время.

Так, например, в фасылах третьего баба «Нахдж-аль-Фарадис» самым подробным образом рассматриваются богоугодные деяния, приближающие мусульманина к Аллаху. Многочисленные наставления придают исламской нравственно-этической системе воспитательный характер, а сами нормы наполняют ее конкретным социально-бытовым содержанием, которое привносится в них прямыми указаниями на ситуации, в которых эти правила применимы.

Примечательной особенностью исламской этики является то, что учение мусульман о нравственности носит характер «морали общественного пользования», конкретной этики, так как она тщательно регламентирует обыденную жизнь мусульманина, подвергая моральной оценке нравы и обычаи, правила общежития.

Исламская этика оперирует такими понятиями, которые не свойственны светской морали [2: 18-24]. В частности, характерны такие специфические понятия, как грех (кафир), набожность (аттакуа), упование на бога (тауаккул), вера (иман), спасение, молитва (саят) и многие другие. Данные понятия рассматриваются М.Булгари на страницах «Нахдж-аль-Фарадис» (далее – НФ), при этом любая житейская ситуация необходимо имеет свой «моральный срез»,

который позволяет проверить действия участников на «человечность». Большинство моральных требований апеллируют не к внешней целесообразности (поступай так-то и добьешься успеха или счастья), а к моральному же долгу (поступай так-то, потому что этого требует твой долг), т.е. носит форму императива, прямого и бесспорного повеления. Именно этим, по всей вероятности, следует объяснять и настойчивый мотив обязательного бескорыстия любого морального поступка: добро следует творить не ради ответной благодарности, а ради самого добра как такового. Рациональный смысл в данном сводится к следующему: общий баланс творимого добра и воздаяний за него сводится только в общем итоге, на уровне общества в целом. Ожидать же ответной благодарности на свои добрые дела в каждом без исключения случае не стоит. Махмуд Булгари приводит рассказ, в котором Всевышний объясняет ангелам, что он сам обременил их желаниями и потребностями, удовлетворение которых должно считаться естественным и закономерным. По убеждениям мыслителя-гуманиста, истинно праведная жизнь – это жизнь не для себя, а для людей.

Все вышесказанное повлияло на то, что в исследуемом памятнике активно употребляются субстантивные и адъективные лексемы, представляющие собой внутренние характеристики действующих лиц.

В сфере имён существительных необходимо выделить многочисленную группу лексем, отличающихся ярко выраженным эмоционально-экспрессивным содержанием. Субстантивы в большинстве случаев употребляются в сочетании с определениями, выраженными прилагательными. Адъективам отводится значительная роль в общей системе стилистических средств памятника, поскольку имена прилагательные способны создать общий эмоционально-экспрессивный настрой произведения в силу специфики своего лексического значения, связанного с богатой возможностью варьирования признака.

Все лексемы данной группы можно разделить на две подгруппы:

1. Лексемы, характеризующие внутренний мир человека с положительной коннотацией.

2. Лексемы, характеризующие внутренний мир человека с отрицательной коннотацией.

В данной статье будет рассмотрена группа, которая характеризует положительные качества человека.

В эту группу входят слова: *халим* – ‘терпеливый’, *галим* – ‘учёный’, *тәтик* – ‘точный’, *парса* – ‘набожный’, *пәрһизлүг* – ‘блюститель’, *кәсеплүг* – ‘профессионал’, *сахибхайр* – ‘хороший человек’, *мустахак* – ‘достойный’, *габид* – ‘набожный, благочестивый’.

Махмуд Булгари неоднократно подчеркивает, что основное качество истинного мусульманина – это вера в Аллаха. В НФ используется лексема *парса* – ‘набожный, благочестивый’:

... *имам әйде: «Мин синең берлә дус булдым әрсә, дөһия өчен дус булмадым, ахирәт өчен дус булдым, бу кем әрсә инкән **зиһад вә парса** (динле) торыр ... [3: 186] – Имам ответил: «Я с тобой стал дружить, но ты мне не друг мирской, а друг для загробной жизни, и этот человек должен быть очень **набожным и верующим**.*

*Бану Исраил эчендә бер **парса** (динле) мәлик бар ирде, йәнә инкән **жаббар** (бик куәтле) ирде [3: 376] – У Бану Исраила жил один **набожный правитель**, он был еще и очень сильным.*

Большое значение в исламе принадлежит молитве. У человека, совершающего молитву, душа всегда должна быть чистой, мысли – искренними и благородными. В НФ используется лексема *габид* со значением ‘набожный, благочестивый’ как в номинативной функции, так и в функции обращения.

... *Иблис әйде кем: «Мин тәкый бер синең тәг (кебек) **габид** (гыйбадәт итүче) торырмын» [3: 310] – Иблис сказал: «Я как и ты человек **набожный**».*

*Барча халаик ул **габидны** агырлар ирделәр (хөрмәтли иделәр) [3: 313] – И весь народ очень уважал этого **благочестивого**.*

В тех высказываниях, где употребляются лексема *габид* дважды, целесообразно значения ‘набожный’ и ‘благочестивый’ использовать в качестве

синонимов, а в предложениях, когда *габид* является обращением – транслировать словом *благочестивый*.

Сөләйман пәйгамбәр галәйһи әс-сәлам ... Бәну Исраил габидләредин бер габид (табынучы) күрде ... [3: 331] – Пророк Сулейман ... увидел из набожных Бану Исраила одного благочестивого ...

Йүлда Иблис бер шәйех сурәтенгә булып килде тәкый әйде: «Әй, габид, канчә (кая) барурсән?» [3: 347] – По пути встретился Иблис в образе шейха и сказал: «Благочестивый, куда держишь путь?».

М.Булгари такие внутренние качества людей, как терпеливость, образованность, точность, профессионализм, считает теми чертами, благодаря которым человек сможет приблизиться ко Всевышнему.

- Для истинно верующего вера состоит из двух частей: одна - благодарность, а другая - терпеливость. Со значением ‘терпеливый’ употребляется лексема *хәлим*:

Андин соң әйде: «Хәлим (сабыр) кем булыр?» - тиде әрсә, Гали әйде: «Хәлим ул кеше булыр кем, дошманындин интикам кылмакка (үч алырга) кодрәте йитәр иркән (жәйтсә дә), гафу кылса». [3: 133]. – После этого спросил: «Кого можно назвать терпеливым?» Гали ответил: «Терпеливым является тот человек, который по возможности не отомстит врагу, а он его простит».

- Со значением ‘старательный’ употребляется лексема *жәһәт*:

... Абу Хазим әйде: «Әгәр мал хасил кылыр булсаң, катылангыл (түзем бул), хәләл жәһәтедин хасил кылгыл, вә әгәр тәкый малны харж кылур булсаң (тотсаң), мәгъсийатка (гәнаһлы эшкә) харж кылмагыл (тотма)» [3: 335]. – ... Абу Хазим сказал: «Если ты начнешь копить богатства, будь старательным, и бери лишь разрешенное, если ты решишь потратить свое богатство, не трать на греховные дела».

Писатель, излагая свои мысли, активно использует приемы изображения, основанные на антитезе, главную роль при этом принадлежит антонимам. Они играют важную роль в стилистике произведения, с их помощью автор создает

контрастность ситуации, предупреждает о крайностях в судьбе людей. Лексеме со значением ‘умный’ – *гакыл* противопоставлена лексема *ахмак* – глупец:

Пәйгамбәр галәйһи әс-салам хәбәр бирү йарлыкар: «Гакыл минем дустым торыр, тәкый ахмак минем дошманым торыр, - тиде әрсә, андин соң әйде: - Әй, йаранларым, зинһар ахмак берлә сохбәт кылмаң (иптәш булмагыз), тәкый гакылдин киселмәң (акылыңны югалтмагыз)» [3: 359] – Пророк в своем сообщении говорит: «Умный будет моим другом, а глупец моим врагом, - еще добавил - Иранцы, пожалуйста, не будьте друзьями глупцам, а умных не теряйте».

Следует подчеркнуть, что слово *гакыл* – ‘умный’ в данном произведении используется не в значении ‘обладающий умом, выражающий ум’, где слово ‘ум’ – ‘высокое развитие интеллекта’. Умным, по мнению Пророка, является тот человек, который удерживает себя от мирского, тот, кто думает о загробной жизни. В памятнике средневековый компилятор подчеркивает, что глупец будет выполнять то, что ему продиктуют его чувства, страсть, желание. Автор произведения замечает, что глупый человек никогда не будет следовать словам умного.

Йәнә әйде: «Ахмак кем булыр?» Гали әйде: «Ахмак ул кем әрсә торыр кем, кәндү үзене (үз-үзен) барчадин артык күрсә» [3: 133]. – Снова спросил: «Кого можно назвать глупцом?», Гали ответил: «Глупец – это, тот человек, который считает себя лучше всех».

У М.Булгари слова *глупый* и *гордый* употребляются как синонимы. С религиозной точки зрения глупым является тот человек, кто не преклоняется перед Всевышним, считая себя и свои желания превыше всего, т.е. гордец.

Имам Газали рәхмәтуллаһи әйде: «Ахмак тәкый мәгърур (горур) ул кем әрсә торыр, кем Хак Тәбарәкә вә Тәгалә ул кем әрсәгә мал вә нигъмәт бирсә, тәкый бу мәгърур ул мал вә нигъмәтне йирләренгә харәж кылмаса ...» [3: 361] – Имам Газали сказал: «Если глупец будет гордым, если Всевышний даст ему довольствование и богатство, он будет гордым, и он это богатство не потратит на нужды ...»

В НФ принцип антитезы используется автором во фрагменте о щедрых и скупых людях. Так как в обществе люди отличаются по своим физическим и умственным способностям, и по многим другим качествам, их материальное положение и возможности в обществе бывают разные, поэтому ислам требует от граждан общества помогать друг другу. В Коране говорится о пожертвовании и его огромной божественной пользе как для отдельно взятого человека, так и для общества в целом. Подаяния любого вида приучают человека к щедрости, человечности, взаимопомощи, благородным поступкам, милосердию, состраданию, сочувствию и трудолюбию. Наличие богатства не является причиной для возвышения одного человека над другим, а наоборот, накладывает на богатого массу ответственности за судьбы нуждающихся. богатые по предписанию шариата должны одну сороковую часть отдавать нищим, Данное религиозное предписание воспитывает в мусульманине не только ответственность за другого человека, но и умение быть щедрым. Быть готовым в любую минуту отдать последнее имущество, связывающее человека с мирской жизнью. Человек истинно щедрый тот, кто в затруднительном положении, будет помнить о том, что кому-то, наверное, еще хуже.

В НФ для передачи значения ‘щедрый’ употребляется лексема *жомард*, прямо противоположной по значению является лексема *бахил*, *нажомард* – ‘скупой’.

Андаг эрсэ, закэтни хэйласез ада кылмак (үтэргэ) кирэк тэкий закэтни фариза тип белмак кирэк, тэкий закэти бирмэгэнлэр бахиллэр (сараннар) зүммэрасендин (рэтендэ) торыр тэкий пэйгамбэр галэйһи эс-салам айде кем: «Жомард (юмарт) кем эрсэ Хак Тэгалэ хэзрэтендэ йавук булыр, тэкий ожмахка һич йавук булыр, тэкий жэмлэ халаикка һэм йавук (якын) булыр, валикин тамугдин йырак булыр, тэкий бахил (саран) кем эрсэ Хак Тэгалэ хэзрэтедин йырак булыр һэм тэкий ужтмахдин йырак булыр, тэкий халаикдин һэм йырак булыр, валикин тамугка йакын булыр» [3: 210]. –Из этого хадиса стало известным, что тех, кто не дает закят, ждет наказание, это религиозное предписание надо выполнять без уловок, скупцы будут наказаны,

пророк сказал: «**Щедрые** будут ближе ко Всевышнему, раю и ко всему народу, а дальше от ада, а скупцы будут далеки от Всевышнего, от рая, от народа, а будут близки к аду».

... Габдуллаһ ибне Габбас әйде: «Әй **нәҗомард (саран)**, нишә мундаг бахиллык кылурсән (нигә болай саранланасың)?» [3: 212]. – ... Гадуллах ибн Габбас сказал: «**Скупой**, почему ты так скупишься?»

Абу Мөрид рәхмәтуллаһи галәйһи **инкән кәрим әрди (бик юмарт иде)** [НФ, 216] – Абу Мурид был **очень щедрым**.

Таким образом, изучение лексем, которые входят в группу, характеризующую внутренний мир человека с положительной коннотацией, позволяет узнать закрепленные в языке знания о мире, где отражается национально-культурный опыт языковой общности эпохи Золотой Орды. Функционирующая лексика формирует языковую картину средневекового мира как совокупность знаний, запечатленных Махмудом Булгари в «Нахдж ал-Фарадис».

Литература:

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

2. Хисматуллин А.А. Суфизм / А.А. Хисматуллин. – СПб.: «Азбука – классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003. – 224 с. – («Мир Востока»).

3. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань: ФЭН, 1998. - 208 с.